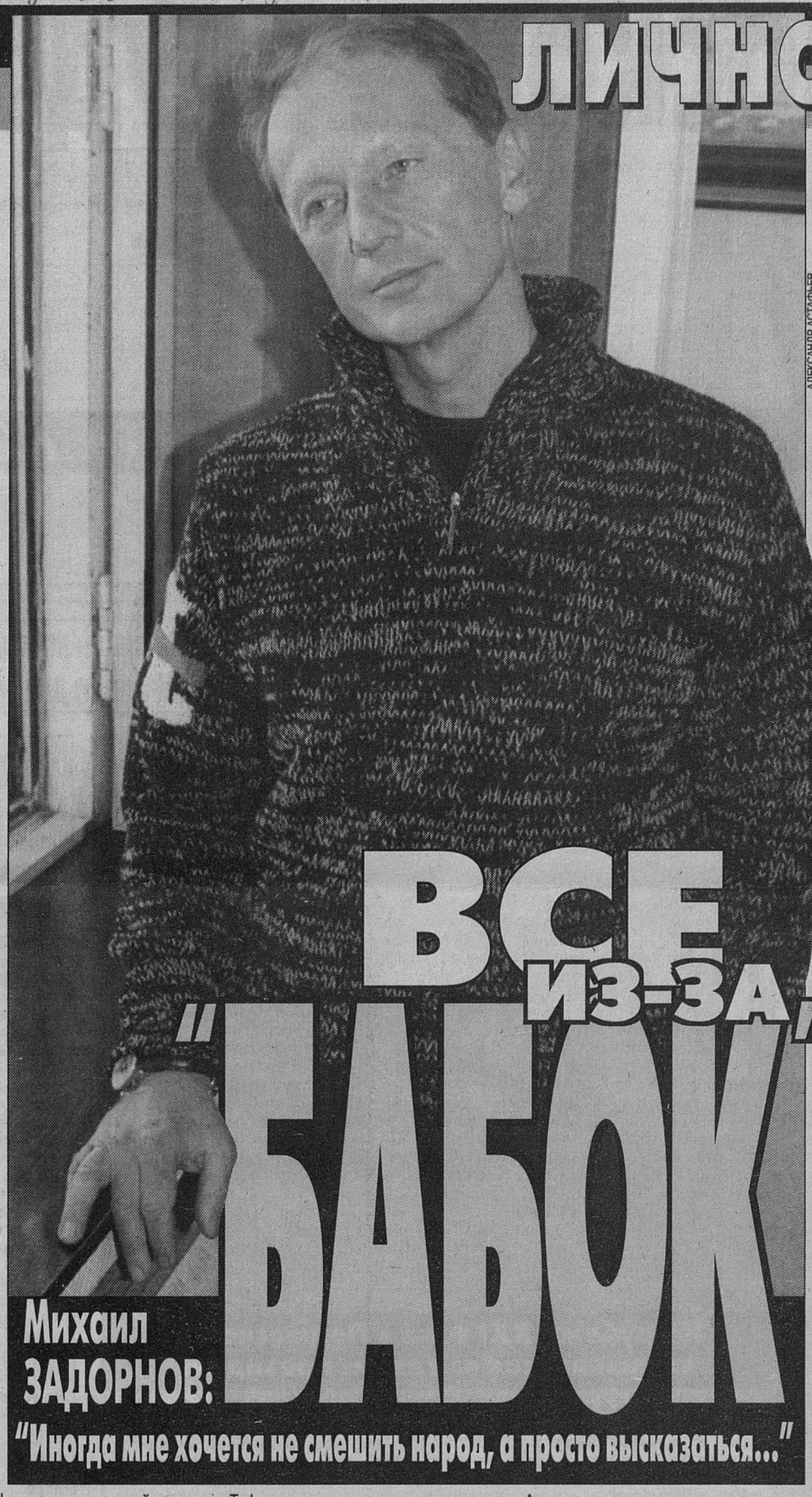
Моск. комсомолец. – 2000. – 27 дек. – С. – 2.

ЛИЧНОЕ ДЕЛО



АЛЕКСАНДР АСТАФЬЕВ

ВСЕ ИЗ-ЗА "БАБОК"

Михаил ЗАДОРНОВ:

"Иногда мне хочется не смешить народ, а просто высказаться..."

Вы наш брэнд, – сказали однажды известному сатирику Михаилу Задорнову на телеканале, с которым он активно сотрудничает. – После ваших концертов продается больше жвачки и шампуней от перхоти.
Задорнов сначала не понял: радоваться ему или огорчаться. А потом его разобрала необычайная гордость.
"Оказывается, меня можно нашпиговать жвачкой! – хвастался он друзьям. И тут же грустно добавлял: – Но почему же меня только гадостью нашпиговывают? Я вообще-то много езжу по стране, общаюсь с разными людьми. Соображения всякие в мою башку лезут, варятся там, обрабатываются..."
В общем, Задорнов недолго мучился наедине со своими разношерстными мыслями. И решил сесть за новую книжку, "на злобу дня". Это не название, это суть.

– Называться она будет "Записки брэнда, или Фантазии Задорнова". Чтобы когда подадут на меня в суд, я смог бы сказать: "А это фантазии, видели название?" Книжка будет длинная. Там уже есть главы и о Чечне, и о здоровье государства, и о симптомах нашей общей болезни. В нее обязательно войдут и события, которые произошли за последнее время.

– Складывается такое впечатление, что сейчас не пишут книжки только очень ленивые люди. Вовсю строчат политики, актеры, журналисты, брошенные любовники и жены...

– В отличие от них я не закодирован, не ангажирован, не работаю ни в одной газете, не состою ни в одной партии и никогда, заметьте, не состоял. И я считаю, что такие люди должны иногда высказываться. А если я брэнд, то тем более должен. Один из моих эстрадных персонажей, который известен широкой публике, – "сиделец", проведший кучу лет "на зоне". У него есть одно простое объяснение на происходящее: "в жизни все из-за "бабок".

Несколько лет я возглавлял Фонд соотечественников. Тогда, в начале 90-х, я еще не знал, что гражданская война прокатится по всей России. Огромное количество уехавших, разбросанных по миру людей. Мне жаловались мои друзья, что в Китае они не могли найти китайскую проститутку – все русские. А экспорт проституции – первый признак гражданской войны. Я в свое время говорил нашим верхам о положении соотчественников. И Ельцин предложил мне создать такой фонд. Вы знаете, это хорошо, что я этим занялся. Помимо того что мы принесли пользу многим людям и многих переселили, я узнал схему движения ворованных денег. И я теперь действительно понимаю, что все в мире из-за "бабок".

И когда в какой-нибудь точке мира происходит конфликт, я уже вижу, как рентгеновским аппаратом, в чем там дело и когда этот конфликт закончится.

– Ну да, очень интересно. Может быть, тогда вы знаете, что нам делать с Чечней?

– Чечня – это наш геморрой, а геморрой, как говорят восточные мудрецы, надо лечить с головы. Только сначала надо спросить у головы, а хочет ли она, чтобы болезнь вылечили? Или хочет, чтобы он постоянно ныл и помог ей в следующую президентскую кампанию? Чечня, с моей точки зрения, нам вообще не нужна. Но надо определиться, где граница Чечни и России. И для этого надо посмотреть карту России прошлого века, а не сталинскую. Сталин, ненавидя казаков, отдал чеченцам казачьи земли. А самих казаков выселил. Он, наверное, думал, что чеченцы будут сеять хлеб... Но представить себе чеченца, сеющего хлеб, это то же самое, что увидеть еврея-сталевара.

– Или русского, глушащего на завалинке стакан газировки вместо водки...

– Да, они другие люди, многие из них – фундаменталисты. И дружбы у нас с ними не получится! У них кровная месть до сих пор, хотя в Коране – я специально его читал – о ней нет ни слова. Их надо отдать немедленно! Их надо подарить тем, кто за них хлопочет. Пускай они набирают рабов среди стран СБСЕ, ЕЭС. Еще очень хорошие рабы из прибалтов получаются. Прибалты за чеченцев, они улицы их именами называют, вот пусть и поработают на горцев. А нам надо отгородиться частоколом всей той мощи, которая только существовала в Советском Союзе. И как на Даманском – если что, накрыть на 800 метров. И – дружба с Китаем навек. Вот такая дружба возможна. Но граница с Чечней должна идти по Тереку. Где остались русские названия, где были казацкие села. Город Грозный – это русская крепость Грозная, построенная в свое время Ермоловым. Именно оттуда ходили отряды окультуривать дикие племена. Также и Ведено. И пускай они за Тереком творят что хотят: вводят свою валюту и открывают свои посольства. Турки будут только рады. Шеварднадзе тоже.

И ни на какие уступки никогда не идти, потому что с фундаменталистами нельзя договориться. Они считают, что если ты с ними договариваешься, то у тебя слабая армия. Они считают, что если ты делаешь благородный поступок, то ты лох. Это как у сидевших на зоне есть "своя" конституция. Если ты вне ее, ты – лох. Вот так же и у чеченцев – у них другие правила игры. И договориться с ними нельзя.

– Сейчас, выражаясь языком вашего "сидельца", у нас сменился пахан, в России новый президент. Значит, изменится и "зона". Вот только в какую сторону?

– На зоне будет больше порядка. Теперь у нас будет не просто зона, а зона строгого режима. И одно, как я прогнозирую, у нас улучшится точно: воровство будет упорядочено. Был беспредел, а теперь передел. Теперь воровать будет каждый в своем секторе, с 9 до 11, строго по вертикали, под надзором администрации президента и с "отстежкой" наверх. То есть "хочешь жить – умей делиться", старинная поговорка. Не поделился? Заплати налоги, спи спокойно, аминь. Тьфу...

Вообще, если бы мне предложили написать сегодняшнюю историю России, я бы назвал ее "Вдруг откуда ни возьмись". То Ельцин ушел – "вдруг откуда ни возьмись". То Басаев появился в Дагестане "вдруг откуда ни возьмись", Путин с рейтингом вынырнул откуда-то. А в бюджете "вдруг откуда ни возьмись" из-за израильско-палестинского конфликта образовалось лишних 10 миллиардов – нефть подросла в цене. Их надо делить, а как? Вот тут-то в Думе, в третьем чтении и включились все. Депутаты лоббируют свои интересы, интересы своих "долечных" предприятий – то есть тех, где заложена их доля. "А мы им всем до пейджера", как говорит мой персонаж, как были, так и остаемся.

– За последние несколько месяцев в стране произошло несколько ужасных событий: теракт на Пушкинской площади, гибель "Курска", пожар на Останкинской башне. Что это – трагическая случайность или знак свыше для всех нас?

– Любое событие можно расценивать как некий знак. Нам это знак, что мы не можем больше жить и считать себя романтическими остапами бендерами. Мы настолько проворовались, что еще сами не знаем истинных масштабов нашей проворованности. Это не значит, что все безнадежно. Мы никогда не долетим до дна пропасти. Наша, российская, пропасть слишком глубокая. Поэтому-то и не страшно. Мы можем еще выбраться из этого. Но это очень серьезный знак Путину. Его фамилия то ли от слова "путь", то ли от слова "путаница". Если все-таки "путь" – это один знак, обнадеживающий, и он поймет его.

– И практически единогласное принятие Госдумой "нового старого" гимна, по-вашему, тоже светлый знак?

– Трудно сказать. Но мне кажется, я выработал точный критерий – против мелодии александровского гимна те, кто так много украл при Ельцине, что сейчас боятся, что под александровский гимн у них это все начнут отнимать. А "за" – те, кто думает, что им перепадет что-то из этих отнятых денег. Все-таки я был математиком в детстве, и даже имею за олимпиаду награду – фотоаппарат ФЭД-27...

– Но разве такое единодушие могло быть при Ельцине?..

– Если бы этот спор затеяли тогда, я бы сказал: хотят где-то, но очень много украсть из бюджета и нас просто отвлекают. Но я почему-то верю, что сейчас по-другому, и президент Путин действительно хотел нам всем сделать новогодний подарок. Но подарок для всех нас может быть только один – это конец войне в Чечне. А принятие гимна – это чепуха. Хотя лично мне эта мелодия нравится. Я не комплексую перед коммунистами и никогда не считал себя дуднее их. Он не отождествляется для меня с лагерями, ведь два моих деда погибли при Сталине. Но они не под гимн погибли.

Для меня эта мелодия – Олимпиада, Новый год, елка. Когда я его услышал, у меня чуть слезы не появились – я ведь очень сентиментальный, несмотря на то что сатирик. Но! Я считаю, что нужно было написать новый гимн. А то ведь что получилось – вся страна разделилась на гимноделов, гимнодавов и гимноведов. А всех вместе я их называю гимнюки. Но теперь-то что об этом говорить. Сложившаяся ситуация напоминает мне сценку, которую я на днях наблюдал на вокзале. Бежит по перрону маленький человек с двумя чемоданчиками. Я перед ним вскочил в тамбур, а там верзила такой стоит курит. Двери закрылись, электричка медленно, но уже двигается. Стекла в окнах выбиты, и верзила курит прямо на улицу. Я прислонился к стеночке, не могу отдышаться. И этот маленький, в окошко, у верзилы спрашивает (а вагон уже, напомню, едет): "Электричка-то до Загорска?" На что верзила невозмутимо кидает в него чинарик и философски так отвечает: "А тебе-то, на хрен, какая теперь разница?"

– Вас, конечно, трудно назвать оптимистом, но, мне кажется, раньше вы не были таким злым и циничным. Вот и за Ельцина, столь не любимого теперь, всех агитировали и казались при этом искренним.

– Я до 1993 года свято ему верил. Даже расстрел парламента принял. Я не раскаиваюсь. Это был хороший урок. И если бы я так не был в ту пору одухотворен, я бы не был так циничен теперь. С 1993 года я не замаран дружбой ни с кем.

– Возможно, поэтому вас в последнее время не так часто увидишь по телевидению. Да и в информационных войнах вы вроде замечены не были.

– Мы так ругали наше телевидение за то, что нам показывают всякую чушь. Проклинали новости, которые строятся по принципу: сегодня плохо, а завтра будет еще хуже, и теперь о погоде. И вот башня сгорела, казалось бы, Господь Бог наконец это все отменил. Сказал как бы нам: ребята, отдохните, о душе подумайте! Так ведь нет. "Дайте! Немедленно дайте нам это!" – закричали кругом. Мы разоблачили себя – вот что произошло. Ругали, злились, а оказалось, что мы жить без этого не можем. Началась ломка, как от крутого наркотика. Квадрат Малевича в каждом доме. Я вообще думаю, что наш человек без тех инъекций, которые нам вспрыскивает останкинский шприц, уже жить не может. Утром встал, включил телевизор – там маньяк изнасиловал Царь-пушку. Все, зритель уже включился. На другом канале оторванные ноги, отрезанные уши, а наш человек увидел и – взбодрился, готов к жизни.

Заметьте: последствия ни одной из катастроф не ликвидировали так быстро, как останкинской. Потому что нельзя снимать народ с останкинской иглы – он думать начнет. А это никогда хорошо для России не заканчивалось.

– А почему пожар-то случился? Снова "все из-за бабок"?

– А из-за чего? Учения не проводились – пожарным было проще ходить по кабинетам и ловить людей с чайниками, сшибать с них по "трешке". Из огнетушителей даже жидкость украли! Украли кабели с хорошей проводимостью, а на оставшиеся повесили лишние приемники... Вот и получается, как ни крути, – все из-за бабок!

– Я знаю, что у вас некая папка есть, в которую вы заносите "выдающиеся" речи наших политиков.

– Да, я ее папкой Цицерона называю. Там у меня Лужков, Черномырдин, Руцкой, Аяцков. Строев вот порадовал недавно: "Депутаты нижней палаты все-таки потоптались на членах верхней палаты". Или вот Черномырдин. Как он обиделся на Буша! Мне так смешно. Раньше семья, говорит, такая хорошая была. А сейчас плохая. Черномырдина обидели. Миллиард, говорят, украл. А на самом деле меньше значительно! И вот представьте, как обидно, – украл, к примеру, всего 300 миллионов, а все теперь думают, что миллиард. Мне интересно на самом деле – вот если в суд будут подавать на таких людей, которые проводили приватизацию в нашей стране, то как они будут доказывать, что они не украли? Я бы хотел поприсутствовать на таком процессе.

Есть такая песня замечательная моего друга Леонида Филатова и Владимира Кочана: "Не важно то, что для дуэли нет причины. Не важно то, что ссора вышла из-за дам. А важно то, что в мире есть еще мужчины, которым совестно таскаться по судам". И когда я смотрю на людей, которые даже спину держать не могут – она у них гнется из-за "бабок", – то я понимаю, насколько выше все-таки поэты, писатели, нежели эта политическая хренотень, которая мнит из себя элиту. И мне очень жалко, когда сегодня многие одаренные художники перед ними унижаются.

– Вы имеете в виду тех, которые тут же побежали на поклон к Путину?

– Я не буду никого винить. Я не голосовал за Путина по одной простой причине, потому что знаю: голосуй, не голосуй, все равно будешь раскаиваться. За кого бы я ни проголосовал. А мне этот процесс надоел. Хотя мне нравится многое из того, что сейчас происходит. Нажим на губернаторов, например. Другой вопрос, во имя чего все это делается? Если ради бюджетников – это одно. Если очередной передел на зоне – другое. Время покажет.

– Видимо, все-таки передел. Делят же теперь прилюдно акции Березовского и Гусинского, арестовывают их, а потом отпускают.

– Мне даже фантазировать на эту тему не хочется – и так все ясно. Они оба – профессиональные жулики высокого ранга. Вот так я на это и смотрю... Просто я думаю, что люди, которые пишут – такие, как Солженицын, – не могут откликнуться на призыв Березовского. И я считаю, что и Жванецкий не может откликнуться. Есть люди, которых я очень уважаю, несмотря на национальности. И они не откликнутся. И на таких людей я и буду равняться. Мой голос очень похож на голос Жореса Алферова. И мне это очень приятно. И пока есть Солженицын, Жорес Алферов, пока есть Леонид Филатов, мой друг, еще могу назвать таких людей – все не безнадежно.

– Вы только что проехали с гастролями по Волге. А там то красный пояс, то демократы. Какие, на ваш взгляд, основные отличия и есть ли они вообще?

– Если въезжаешь в город, а в нем полно проституток – значит, демократы. И если там названия магазинов английскими буквами – "Бутик", "Шоп", "Элефант" (слонину, что ли, там продают?) – значит, тоже демократы. А если в огромной, убогой и абсолютно пустой гостинице рядом с администратором стоит табличка "Мест нет", а официанток нужно называть только по имени-отчеству (подзываю в ресторане молоденькую девушку. "Как вас зовут", – спрашиваю. "Наталья Александровна". – "Ну хорошо, Наташа". – "Нет, Наталья Александровна!" – обиженно восклицает она. "Боже мой, что же это такое: что ни женщина, то товарищ!" – не менее обиженно возмущается Задорнов. – **Е.М.**) – значит, краем "рулят" коммунисты. Но везде одно – грязь одинаковая. Что у демократов, что у коммунистов – Россия хороша под снегом, когда этого всего не видно.

Хотя Россия все равно не должна комплексовать, пока есть Украина. И если мы – пародия на страну, то Украина – пародия на пародию. Они ведь очень гонятся за Америкой, гораздо больше, чем мы, и все время говорят: "ну шо, о'кэй" и "вау!" Я однажды не выдержал и сказал одному из них: "Ты посмотри на себя – вышел из грязного вонючего подъезда, одет кое-как, абсолютно безвкусно. Ты себя в зеркало-то хоть видел? Твоей роже не "вау" подходит, а наше отечественное "ага". А иначе это орхидея на помойке". Так что пока есть Украина – Россия может расслабиться! Мы не последние.

Но на самом деле – так и напишите – в Новый год я выхожу с очень хорошим чувством. Хочу, например, дать пять концертов в "России". Вместе с Евгением Евтушенко – этакий сатирически-поэтический джем-сейшен, и назвать его "Опять оттепель". Это будет не коммерческий проект. Я его сделаю для тех, кто не может и не хочет идти на шоу "Летучей мыши"–"Черного лебедя", и чтобы молодежь знала, что существует абсолютно другое направление. Нужен новый Политехнический!

– В общем, если я правильно понимаю, пришла пора и о душе подумать?

– Да. И не жить в этом векторе "бабок". Я сам себе в последнее время задаю вопрос: а жить-то когда? Особенно когда вижу многих своих коллег, друзей. Они для меня пример, как не надо жить. Я бы не только на своих учился ошибках, но и на чужих. А это уже степень начинающейся мудрости. Пришло время и погулять, и книжку почитать. Я английский еще не очень хорошо знаю! Вот недавно даже в Англию ездил учиться. Сидел такой старый козел среди молодых студентов, съехавшихся туда со всего мира.

– Михаил Николаевич, мы все-таки накануне Нового года встречаемся, или, как теперь говорят, "Миллениума-2". Как бы вам хотелось его встретить?

– Однажды, лет 35 назад, мне пришлось праздновать Новый год в экспедиции. Был тяжелый перелет с одного курильского острова на другой, и нас начало сильно трясти. Мы сбрасывали балласт, нас заставили выкинуть даже рюкзаки. Страшно было... И когда мы наконец приземлились – где-то в поле, – вышел пилот и предложил: "Давайте выпьем! За то, что живы остались". И вытащил огромную канистру спирта. Мы все повыкидывали, а он самое дорогое все-таки спас. И у меня хватило тогда сил рассмеяться. Знаю, что такое вряд ли повторится, но мне бы, пожалуй, хотелось еще раз испытать что-то подобное.

Я не очень тусовочный человек и всегда Новый год отмечаю дома. И на этот раз полечу к маме – ей сейчас 93 года, она дворянского происхождения. Сколько помню, мы никогда не желаем друг другу счастья, здоровья – потому что это никогда не сбывается! И вообще, я хочу пожелать людям не стараться быть счастливыми – в этом и есть залог счастья. И это единственная мудрость, которую люди никак не хотят понять.

Елизавета МАЕТНАЯ.